

конфликтами, которые переходят в войны, революции и терроры, где провозглашенная разумом истина ниспровергается на следующий день. Игнорирование философского дискурса, находящегося по ту сторону и способного указать на проблемы, которые политика не желала включить в свои коммуникативные сети, в итоге привело к страшным последствиям. Впрочем, с появлением масс медиа, ошибки не должны были повторяться. Новая возможность для советника вновь обратиться к «*parrêsia*» и применить его к массам, должна была восстановить утраченные позиции. Но, к сожалению, публичная сфера повлияла на интеллектуалов крайне негативно. Они «...по-видимому, задыхаются от чрезмерности этой животворной стихии, словно при передозировке» [6]. Это вынуждает их уйти со сцены, но ценностная позиция требует оставаться в поле политики, ибо это бесконечное должествование.

Литература:

1. Аристотель, Сочинения: в 4-х т. / Аристотель – Т. 4. – М.: Мысль, 1983.
2. Берлин, И. Подлинная цель познания: Избр. эссе / И. Берлин – М.: Канон+, 2002.
3. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко – Часть 2. – М.: Праксис, 2005.
4. Фуко, М. Психиатрическая власть / М. Фуко – СПб.: Наука, 2007.
5. Фуко, М. Управление собой и другими / М. Фуко – СПб.: Наука, 2011.
6. Хабермас, Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI / Ю. Хабермас – М.: «Весь Мир», 2012.
7. Штраус, Л. Введение в политическую философию: Сборник / Л. Штраус – М.: Праксис: Логос, 2000.

ИДЕОЛОГИЯ КАК МАТРИЦА ЦЕННОСТЕЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОД

В.Н. Кораблёва, г. Киев, Украина

Понятие «идеология» принадлежит сегодня к числу наиболее неоднозначных и содержательно нагруженных терминов. Всевозможные его тематизации и концептуализации принципиально не сводимы к одному основанию, а спектр актуальных значений настолько широк, что некоторые авторы заявляют об избыточности понятия и целесообразности его исключения из наличных социально-политических дискурсов (М. Фуко, П. Бурдьё и др.). Выдвигаемые претензии сводятся к нескольким принципиальным моментам. Во-первых, доминирующая в течение длительного времени концепция идеологии как «ложного сознания», искривленной картины реальности, составляющая стержень ее

эпистемологической интерпретации, основывается на неявном допущении о достижимости истинного знания о мире. Данное допущение испытывает удары с обеих сторон. Эпистемологический кризис XX века проблематизирует возможность единого, монологичного, очищенного от субъективных наслоений, то есть в строгом значении истинного знания. Корреспондентская концепция истины уступает место ее конвенциональным, прагматистским, в лучшем случае, когерентным интерпретациям. Позитивизм с его требованиями верифицируемости теорий сменяется постпозитивистскими построениями, акцентирующими внимание на контекстуальности любого знания, его конкретно-исторической, культурной и личностной обусловленности. Таким образом, теряется точка референции, позволяющая отличать истинное знание от ложного, мистификации от абсолютной истины. С другой стороны, под вопрос ставится сам объективный мир, должен быть максимально отраженным в наличных теориях. Несмотря на то, что различие онтологии и феноменологии, подлинной реальности и доступного в повседневном опыте мира с античных времен составляло ключевую нить философских рассуждений, именно постклассическая философия заостряет вопрос реальности и присутствия реального в человеческом опыте. Кантовское различие феноменального и ноуменального миров, усиленное феноменологическими построениями Э. Гуссерля, результировало в такие направления «философского мейнстрима», как социальный конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдьё), концепция симулякров (Ж. Бодрийяр) и т.д. Общий знаменатель данных построений отражает так называемая «догадка Вико», согласно которой познаваема лишь сфера человеческого, и этой сферой опосредуется познание природы. Если позитивизм пытался нивелировать различие природного и человеческого мира, выстраивая «социальную физику» (О. Конт) по образу и подобию естественных наук, то современные гумани(тари)зационные стратегии настаивают на человекомерности любого знания, из чего следует эвристичность антропологического ракурса рассмотрения в любой сфере. «Искусственность», рукотворность социального мира сегодня не подвергается сомнению. Степень радикальности интерпретаций выражается в том, существование чего помимо этого мира признается в принципе.

Следующий блок содержательных претензий к концепту «идеология» связан с его марксистскими интерпретациями как обусловленного классовыми интересами средства поддержания господства. Основные контраргументы могут быть сведены к следующим. Во-первых, существенные сомнения вызывает актуальность классового деления постиндустриального общества: существование подобных социальных агрегатов проблематизируется многочисленными

теоретизациями «индивидуализированного общества» (З. Бауман), «пены» как результата разрушения больших «сфер» (П. Слотердаjk), «номад» (Ж. Делез, Ф. Гваттари), а также менее радикальными версиями «перестройки» социальной структуры, например, социальные сети (М. Кастельс), «множества» (М. Хардт, А. Негри) и т.д. Впрочем, еще К. Мангейм в начале XX века считал именно социальные группы носителями идеологии (что и было подхвачено современными исследователями). Во-вторых, современный цинизм вносит существенные коррективы в процесс манипуляции [3, с. 260-263]. Возникает феномен так называемого «просвещенного ложного сознания», когда люди осознают воздействие манипуляции, но не пытаются ему сопротивляться, воспринимая это как правило социальной игры. Достаточно выразительно данная тенденция просматривается в сфере рекламы. Наконец, в-третьих, современную эпоху часто называют «пост-идеологической», подразумевая, что время идеологии как таковой закончилось вместе с классическими модерными идеологиями. Здесь следует отметить две противоположные стратегии аргументации, которые могут быть условно обозначены как оптимистическая и пессимистическая. Первая представлена в программной работе Д. Бэлла с красноречивым названием «Конец идеологии», где отмечается, что «лучшее будущее невозможно представить» [5, р. 65]: благодаря высокой общей удовлетворенности (достигнутой благодаря темпам роста производства и понимаемой как удовлетворенность товарами и услугами), люди настолько довольны своей жизнью, что намерены постоянно переживать нескончаемое настоящее. По мысли Д. Бэлла, в силу ликвидации геополитической биполярности и триумфального шествия демократии и либерализма, идеологии утратили способность мотивировать людей, перестав быть эффективными социальными рычагами. Противоположная группа аргументов также отстаивает неэффективность идеологии в современном мире, привлекая альтернативные доводы. Так, утверждается, что современный капитализм выстроил настолько изощренные и эффективные схемы, что он не требует легитимации для своего воспроизводства. Он работает «сам по себе», не нуждаясь в валидации в сфере сознания. По меткому замечанию Ф. Джеймисона, «безликие хозяева продолжают менять экономические стратегии, ограничивающие наше существование, но им уже не нужно выражать это в речи» [4, р. 370-375].

Рассмотренные аргументы, на наш взгляд, не столько опровергают эвристичность и уместность понятия «идеология» в современном обществе, сколько убеждают в необходимости существенного пересмотра его содержания. Представляется обоснованным выведение феномена идеологии из специфично политической плоскости (как инструмента классовой борьбы) и его помещение в сферу культуры. Вместе с тем,

инерционно пейоративное истолкование идеологии представляется ограниченным. Несмотря на эвристичность предлагаемых в рамках неограмшианства и неоальтюзерианства интерпретаций идеологии как инструмента культурной гегемонии, сегодня наиболее эффективно работающего в сфере масс-медиа (Ст. Холл, Дж. Б. Томпсон и др.), мы настаиваем на более широкой интерпретации концепта. Наиболее эвристичным в современных условиях представляется истолкование идеологии как матрицы смыслов, которая делает возможным социальное взаимодействие. Представая соединением – в веберовской терминологии – целерационального и ценностно-рационального действия, идеология кодифицирует значимые ценностно-аффективные смыслы. Генерализация этих смыслов задает целостность социальных образований разного масштаба. Идеология предстает социальным механизмом, меняющим содержательное наполнение в зависимости от культурно-исторического контекста. И именно конкретные конфигурации идеологии задают ее различные интерпретации – пейоративного или апологетического характера. Не отвергая значимости критики идеологии в ее современных неомарксистских версиях, необходимо подчеркнуть и ее позитивные функции социокультурного ориентира в мире «текущей современности» (З. Бауман). Как справедливо подчеркивает Б. Латур, «наивная вера в авторитеты» давно сменилась столь же массовой «теорией заговора», а «критический дух давно умер от передозировки неверия» [1, с. 385]. Поэтому существенно возрастает роль идеологии как «теоретико-нормативной азбуки практической деятельности» [2, с. 128], ментальной карты социальной реальности.

Литература:

1. Латур, Б. Надежды конструктивизма / Б. Латур // Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. – М. : Территория будущего, 2006.

2. Губерський, Л. Культура. Ідеологія. Особистість: Методолого-світоглядний аналіз / Л. Губерський, В. Андрущенко, М. Михальченко. – К.: Знання, 2002.

3. Кораблёва, В.Н. Цинизм как идеологический стержень индивидуализированного общества / В.Н. Кораблёва // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций. – № 07 (54) июль 2013. – Ч. 1. – М.: Институт стратегических исследований, 2013.

4. Bell, D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties / D. Bell. – N.Y., 1962.

5. Jameson, F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism / F. Jameson // New Left Review. – August, 1984. – Vol. 146.